

Елена Тарасова

МАЙ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО. МОСКВА журчит ручьями, звенит трамваями, а на Кузнецком, где я работаю, хмуро. Но вот солнечный зайчик запрыгал по лежащей передо мной рукописи, и незнакомый голос, слегка заикаясь, произнёс: "Мне бы отдел литературы..."

В дверях стоял высокий широкоплечий человек в спортивном костюме. Он присел на краешек стула и огляделся. В комнате, кроме моего, ещё три стола, за каждым сидели женщины.

— Юрий Казаков, — представился мой новый автор. Был он как-то не по-мужски белолиц, с нежным румянцем и пронизательным взглядом из-под очков. Протянул рассказ, попросил, если можно, тут же его прочитать. Я согласилась, хотя не любила знакомиться с рукописями при авторах. Когда автор сидел рядом, всё написанное казалось мне гораздо лучше, чем было на самом деле. Но отступать поздно.

Рассказ оказался из жизни американских, а может, английских спортсменов. И был явно подражательным. Не помню уж кому. Кажется, Твену и Джеку Лондону. Но симитировать манеру хорошего писателя бездарности не дано. Я понимала, что передо мной талантливый человек, у которого ещё не поставлен голос, не найден собственный стиль. Что-то в этом роде я говорила Казакову, советуя писать о том, что его окружает, что ему хорошо известно.

Юра слушал, не перебивая, застенчиво улыбаясь.

— Ну, я, конечно, понимаю, журнал у вас специфический, женский, — сказал он. И, помолчав, добавил: — Есть у меня мечта: проехать — хорошо бы на лодках — по скандинавским рекам...

— За чем же дело стало?

— А вы, то есть ваш журнал, не могли бы послать меня в командировку в Швецию или Норвегию?

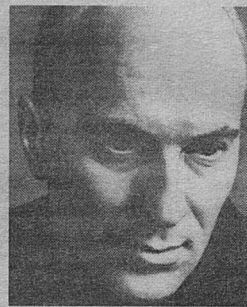
Я была ошарашена. В ту пору, спустя всего два месяца после смерти Сталина, и штатные сотрудники не ездили за рубеж. Даже если бы Казаков тогда уже был тем Казаковым, каким стал спустя несколько лет, я всё равно не смогла бы отправить его в турне по Скандинавии.

ТАК МЫ И РАССТАЛИСЬ. ЮРА ПОНИМАЮЩЕ кивнул, не рассчитывая на скорую встречу. Но встретились мы уже через несколько дней и, как ни странно, у меня дома.

Оказалось, что тот же рассказ Казаков принёс в редакцию "Советского спорта", где работал мой муж, Николай Тарасов. Муж прочитал рассказ и, в отличие от меня, пообещал автору командировку. Правда, не в Швецию, а по российским северным рекам. Юра был в восторге. Он тут же оформил коман-

Он казался счастливым

Казаков у меня дома

дировку, получил деньги и вернулся к ошастливившему его человеку. Собравшись домой, Тарасов пригласил его к нам.

Так мы снова встретились с Казаковым. Увидев меня, он чуть не рухнул от неожиданности. В тот вечер Юра рассказал, что учился в музыкальном училище по классу контрабаса и до сих пор играет в оркестре районного кинотеатра. Говорил, что всё сильнее тянет его литература и потому так важна эта командировка.

Вернувшись с Севера, Казаков стал частенько заходить в "Советский спорт". Сидел часами, дожидаясь, когда Николай Александрович закончит дела. Они выходили на шумную площадь Дзержинского, шли к Бульварному кольцу и до полуночи бродили, разговаривая о литературе.

Перед тем как привести Юру домой, муж обычно звонил и просил убрать из бара все имеющиеся бутылки, кроме одной. Его, принимавшего спиртное только за компанию, огорчало, что Юра любит выпить, а начав, не может остановиться.

ПОСЛЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК В "СОВЕТСКОМ СПОРТЕ" появился очерк Казакова. Начал он печататься и в других изданиях, а осенью поступил в Литинститут. После его окончания Казаков выпустил первую книгу — "На полустанке". Затем один за другим появляются сборники "По дороге", "Лёгкая жизнь", "Голубое и зелёное", "Запах хлеба"...

Юра стал реже заглядывать к нам. И всё же время от времени он появлялся. Мне запомнился вечер после его возвращения из Франции. Он казался по-настоящему счастливым. И было от чего. Сверкая глазами и лысиной, возникшей смолodu, он, стараясь смягчить нескромность того, что собирался произнести, сказал, что во Франции читают и знают только его, Казакова, Паустовского да ещё Трифонова...

Хорошо помню и другой вечер. Юра пришёл довольно поздно и против обыкновения отказался от еды и питья. Был как-то торжественно сосредоточен. Сообщил, что решил жениться. "Баба — во! — говорил он, поднимая большой палец. — Между прочим, специалист по славянским язы-

кам. Учёная — жуть! Хочу её к вам привести".

И на другой день привёл. Тамара оказалась белокурой, застенчивой и тоненькой как тростинка девушкой с мелодичным голосом. Увидев её, мы переглянулись и, вспомнив Юрино "баба — во!", с трудом удержались от смеха.

ПОЯВИВШИСЬ У НАС ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО перерыва, он стал поговаривать о собственном доме. Выросший в московской коммуналке, Казаков терпеть не мог бедности и в глубине души всегда мечтал о своём доме, своей земле. Земля и литература — две привязанности. Причём литература может подвести: перестанут издавать или станет трудно писать... А земля — ежели она твоя — никуда не денется. Как, впрочем, и дом. Смотришь на него и чувствуешь себя увереннее.

Что-то в этом роде говорил нам Юра.

Когда он поселился в Абрамцеве, в каком-то академическом посёлке, не раз настойчиво звал в гости: "У меня и банька есть. Захватите пивка и приезжайте". Однажды мы собрались. С трудом отыскали посёлок, а вот дома отыскать не удалось. На беду ещё пошёл дождь, холодный и по-осеннему затяжной. Мы продрогли и вернулись домой.

И ЕЩЁ ОДНА СЦЕНА ИЗ ТЕХ ВРЕМЁН. Тарасов берёт интервью у Казакова. Юра пытается рассказать ему о своём новом рассказе:

— Там будут люди, всякое такое, пейзаж, ночи белые, разговоры. А дальше идёт эта штука, и жена от него уходит... Вот такие дела.

Лишь годы спустя я поняла, как мучительно и неуверенно пробивался Казаков к литературе через эти "дела"...

С Чифом в Абрамцеве.

Дача писателя в Абрамцеве.